

зникаюча), вид – *коменсал* (від фр. *commensale* – нахлібницький) В українській сільськогосподарській термінології функціонують як іменники прийменникові утворення, оформлені засобами мови-реципієнта як структурно нерозкладні, напр. *бульденеж* (від фр. *boule de neige*). Щодо прикметників і дієслів іншомовного походження, то ця категорія слів характеризується тим, що запозичається не слово в цілому, а вичленована його основа, до якої додаються суфікси і закінчення мови – реципієнта, тобто запозичена лексема оформляється засобами мови, що запозичає [8, с. 22]. Напр.: *компостувати* від *composter*; *пресувати* від *presser*; *індивідуальний* від *individuel*, *мобільний* від *mobile*, *фронтальний* від *frontal*. З наведених прикладів можна побачити, що до основи приєднуються відповідні українські суфікси та закінчення, які морфологічно оформлюють французькі запозичення. Українські морфеми сприяють процесові віднесення запозичених основ до одного структурно-морфологічного ряду за тими моделями, які вже усталилися в українській термінології. За результатами дослідження можна зробити висновки: основними морфологічними змінами, яких зазнали галліцизми на українськомовному ґрунті, були: втрата основного французького родового показника – артикля, зміна віднесеності до роду, трансформація французьких суфіксів та закінчень та набуття нових афіксів у зв'язку із входженням їх до іншої словозмінної парадигми. Збагачення сучасної української літературної мови новою термінологією, в якій раціонально поєднуються національні й інтернаціональні елементи, не порушує її граматичної системи і є необхідною передумовою нормального функціонування в ній наукового стилю. Перспективами цього дослідження ми вважаємо вивчення словотвірної та семантичної адаптації галліцизмів у сучасній українській термінології. До перспектив дослідження можна також віднести його продовження на більш широкому лексичному матеріалі з метою розробки більш детальної методики опису та укладання спеціальних словників та посібників

Джерела і література

1. Веденіна Л. Г. Особенности французского языка. – М.: Просвещение, 1988. – 240 с.
2. Муромцев І. В. Особливості освоєння лексики іншомовного походження в сучасній українській мові (морфонолого-дериваційний аспект) // Вісн. Харк. ун-ту. – 1986. – № 284. – С. 72-77.
3. Назиб Г., Ракипов. Французско-русский словарь по сельскому хозяйству и продовольствию. – М.: РУССО, 2002. – 864 с.
4. Симоненко Л. О. Українська термінологія і сучасність кінця ХХ ст. // Матеріали 2-ої Всеукр. наук. конф. «Українська термінологія і сучасність». – К., 1997. – с. 10-14
5. Сучасна українська літературна мова. Морфологія / За ред. І. Білодіда. К.: Наук. думка, 1969. – 582 с.
6. Федішин О. Іменники в системі французьких юридичних термінів (суфіксальний спосіб словотворення). // Вісник: Проблеми укр. Термінології. – Львів, 2000. – С. 187-190.
7. Чичкань Г. В. Французько-російське-український сільськогосподарський словник. Рослиництво, тваринництво, сільськогосподарські машини. – Дніпропетровськ, 2004, – 184 с.
8. Чурсіна Л. В. Словотвірна валентність основ французького походження в сучасній українській мові. Дис...к-та філол. Наук. Х., 1998. – 188 с.
9. Яценко Й. Т. Ассимиляція заимствованных имен существительных на уровне формально-грамматических показателей // Исследования по грамматике и лексикологии. – К.: Наук. думка. – 1966. – С. 85-96.
10. Larousse agricole. / Sous la direction de J. – M. Clement. Paris: Larousse. 1981. – 1207 p.

Еремін А. Н.

МУЖЧИНА И ЖЕНЩИНА В РЕАЛЬНОЙ ЖИЗНИ И В ЯЗЫКЕ

Объектом наших наблюдений является жизнь мужчины и женщины, зафиксированная в языковых единицах. Интерес представляет сопоставление реальной картины их бытия с языковой картиной. Исследований под таким углом зрения мало, а фактический материал представлен в них бедно: (ср., к примеру зарубежные и отечественные работы: [1], [2]).

В нашем сообщении обосновываются и иллюстрируются (насколько позволяет объем сообщения) 3 аргумента:

- 1) язык отражает реальное положение дел в жизни мужчин и женщин,
- 2) язык консервирует архаичные, преимущественно андрогенные, воззрения на отношения между полами,
- 3) язык продуцирует некую новую парадигму отношений между полами, которая при определенной модификации может быть воплощена в жизнь. Это новая парадигма, как правило, предлагается женщиной.

1. В норме язык отражает *реальное положение дел* в бытии мужчины и женщины. Это бытие может быть общим и различающимся. Остановимся прежде всего на отличиях.

К примеру, женщина носит одежду, которая не свойственна мужчинам: *платье, платок, кофта, блузка, косынка, юбка, слаксы, муфта, колготки, чулки, пеньюар, амазонка, волан, рюш, сарафан, декольте* (разг. *разрез*), *мини, миди, макси* и др.

В 19 веке сюда относились и такие, в частности, названия: *турнюр, шушун, шугай, тюрлюлю*.

Мужчины сегодня на лексическом уровне в одежде специфически охарактеризованы значительно беднее: *апаш, блуза, батник, жабо, фрак, смокинг, бабочка*.

Амазонка. 2. Длинное женское платье особого покроя, предназначавшееся для верховой езды. – Она была в черной бархатной *амазонке* и рукою в перчатке с раструбом держала хлыст (А. Н. Толстой. Детство Никиты) [3].

Апаш. О мужской рубашке с отложным и незастегивающимся воротником. – Господин задел Петю рукавом просторного пиджака с выпущенным поверху открытым воротником рубашки *апаш* (В. Катаев. Хуторок в степи) [3].

В 19 веке отмечались и такие обозначения: *зипун, сюртюк*.

Как известно, дворяне носили и белье шелковые *чулки*.

Ср. также: *Турнюр*. Модная в конце в 19 в принадлежность женского туалета в виде подушечки, подкладываемой под платье сзади ниже талии для придания фигуре пышности // Широкая дамская юбка, предназначенная для ношения с такой подушечкой. – Одета по последней моде: сидит сразу на трех стульях, причем один стул занимает она сама, два другие – ее *турнюр* (Чехов. Брак через 10-15 лет) [4].

Также: – Так забудь же про свою тревогу, не печалься шибко обо мне, не ходи так часто на дорогу в старомодном ветхом *шущуне* (С. Есенин. Письмо матери).

Отметим реально существующие оппозиции в интимных отношениях: женщина *принимает ухаживания* мужчины, *отдается* (прост. *дает*) мужчине, *беременеет* (*залетает* ‘нежелательно беременеет’), *вынашивает* и *рожает* ребенка, *кормит* его *грудью*, у нее *месячные* (*критические дни*), она пользуется *прокладками*, у нее может быть *выкидыш*, в определенном возрасте наступает *климакс*, она посещает *гинеколога*, она может быть *фригидной* и т. п.

Мужчина *ухаживает* за женщиной, *овладевает* (жарг. *трахает*) ею, *брюхатит* (устар.) женщину.

Такие оппозиции можно продолжить, но все они отражают реальное положение дел в области бытия и взаимоотношения полов на сегодняшний день или в недалеком прошлом.

2. Язык *консервирует архаичные, преимущественно андрогенные* воззрения на отношения между полами.

В работе В. И. Даля в разделе «Баба – Женщина» представлен домостроевский, средневековый взгляд на женщин [5, т. 1, с. 273 и след.].

Многие поговорки и пословицы характеризует *женщину* как *существо глупое, вздорное, человека второго сорта*.

Ср.: Собака умней *бабы*: на хозяина не лает. *Бабе* хоть кол на голове теши. *Бабы* города недолго стоят. Где сатана не сможет, туда *бабу* пошлет. Кто *бабе* поверит, трех дней не проживет. *Бабы* вранья и на козе не объедешь.

Такого рода взгляды на женщину свойственны и высказываниям известных мыслителей. Эти взгляды широко представлены в современных энциклопедиях афоризмов:

– *Женщина* это увечный от природы, изуродованный мужчина (Аристотель). – Не рассуждай с детьми, с *женщинами* и народом. (Пифагор из Самоса). – У обыкновенной *женщины* ума столько, сколько у курицы, а у необыкновенной – сколько у двух (Конфуций). – *Женщины* – это взрослые дети, зрелость их ума приостанавливается на восемнадцатом году жизни, они пусты и ограниченны, их стремление к несправедливости, их «инстинктивное коварство и непреодолимая склонность ко лжи» – основной порок женской натуры (Г. Мопассан). – Ум у большинства *женщин* служит не столько для укрепления их благоразумия, сколько для оправдания их безрассудств (Ф. Ларошфуко). – *Женщины* падки на удовольствия, капризны по характеру, лишены естественных привязанностей, не знают священных законов и молитв; это – сама лживость (Законы Ману) [6].

В современный русский язык (и сознание) архаичные представления могут проникать из письменных текстов предыдущих столетий или из речи представителей других культур.

Сравни такое высказывание из рассказа И. С. Тургенева «Хорь и Калиныч»: – *Баба – работница*, важно заметил Хорь. – *Баба* мужику *слуга*.

Показательны рассуждения деревенского жителя, чеченца Аслана, из книги Э. Лимонова «В плену у мертвецов»: – «У нас в селе все знали, что она гулящая. Ему (мужу) говорили – у тебя *жена* со всеми спит, выгони ее или убей. Нужно было убить жену и прикопать, – спокойно вещает Аслан со шконки, сидя. – *Женщина* ведь – это твоя вещь...».

3. Язык *продуцирует некую новую парадигму отношений между полами*, которая при определенной модификации может быть воплощена в жизнь. Это новая парадигма, как правило, предлагается женщиной.

Женские отечественные любовные (и не только) романы обнаруживают «революционное» стремление части женщин к переменеам.

Анализируемые тексты отражают как *реальное положение дел* в области отношений между полами, так и разного рода *ожидания* женщин определенного *психического склада, уровня культуры, их представления об этических и эстетических нормах, житейские взгляды и предпочтения, патологические комплексы* и др.

Во всех прочитанных романах главные героини обычно стремятся сравняться с мужчинами, чаще, однако, считая себя умнее, сильнее – в том числе и физически. Они обычно и красавицы.

Отсюда соответствующие обозначения и оппозиции: *красивая, сильная, умная, талантливая, утонченная, отчаянная* женщина – (главная героиня) – часто *некрасивый, слабый, глупый, грубый, трусливый* мужчина – (не любовник).

Женщина *командует, повелевает*, иногда *избивает* мужчин, *надменна* с ними – мужчина *служит* женщине, *боится* ее и под.

Наши наблюдения сужают высказанные специалистами наблюдения о том, что «... для женщин... характерно особое восприятие мира, в котором проявляется отказ от дуализма, конфронтации, иерархичности» [7, с. 500].

Ср.: – Конечно, жалко, – ответила за него Маша, – это ужасно, когда гибнет человек, тем более женщина, *молодая, красивая, умная, талантливая*... – Почему ты? – Потому что я *такая умная, красивая и талантливая*... (П. Дашкова) – Люда, *красивая* светловолосая девушка с хорошими манерами и безупречным макияжем, ухоженная, одетая в шикарное вечернее платье, только *хмыкнула на это заявление* (мужчины) и улыбнулась одними губами.. (Анна Данилова). Она была *очень хороша собой – высокая, тонкая, как будто устремленная вверх*... *Не женщина, а мечта*... – Мика даже представить себе не могла, что ее можно... оскорбить... Она такая... *славная, милая, чудесная женщина. Нежное существо. Тонкая натура*... Лида смерила ее долгим взглядом *прекрасных карих глаз*... (Татьяна Устинова). – Сейчас я твой *командир*, – перебила его Алла. За своей *повелительницей* Толик был готов в огонь и в воду... – Понравилась? – усмехнулась она. У меня большая практика. А этот *удар* – моя коронка. Немало мужиков я оставила бездетными, когда они себя плохо вели. – Лара *надменно* вскинула подбородок и прищурилась. Она прекрасно знала, как действует на любовника ее холодный взгляд. Игорь всегда *пугался*... (Диля Еникеева). – Она *умная, сильная и толковая* (Татьяна Устинова). – Она (о себе) *красавица, умница, ангел*. (Ксения Васильева)... – Впрочем, *это ему так казалось, что он сам предложил*, да и еще внезапно. Ольга аккуратно *подвела его к этому предложению*... (Александра Маринина).

В исследуемых текстах слово *любовник*, обычно имеющее в общем пользовании коннотации негативной этической оценки, приобретает положительные коннотации. Более того, оно становится параметром, характеризующим высокий рейтинг героини-женщины. Чем больше любовников, тем выше в глазах автора главный герой – женщина.

Ср.: – Я совсем сбрендила, – думала Лара, вполуха слушая, как любовник бормочет нежные слова. *Только что была с Игорем.. а теперь с Виталиком*, и тоже словно с цепи сорвалась... – Я не хочу тебя бросать, но не могу себе представить, как буду с вами обоими... *У меня еще есть муж, так что это уже четырехугольник...* – Удивительная ты женщина, Ларочка. Просто роковая женщина. (*Дуля Еникеева*).

Сопоставь: – Я вам не жена, не друг, а женщина, которую вы не уважаете за то, что она стала вашей *любовницей* (Чехов).

Любопытно, что прилагательное *донжуанский* встретилось по отношению к поведению молодой женщины.

Ср.: – Он просто влюбился. – Нашел в кого!.. – Пацок скрипнул зубами. – Две тысячи сорок четвертый в *ее донжуанском списке*. (*Виктория Платова*).

Деньги, подарки любовников компенсируют главные героини искусством в сексе, где они, по их рассказам, неутомимы и изобретательны. Описание интимных сцен растягивается на несколько страниц, *секс* получает определения *изысканного, чудного*. Он же функционально дифференцируется: *секс как удовольствие, счастье; секс как наркотик; секс как средство достижения своих целей*.

Секс и *дети* в «женских» романах оказываются либо несовместимыми, либо мало совместимыми. В части романов о детях не упоминается вовсе, либо они являются проблемой как до, так и после их появления на свет.

Ср.: – Ей предстояло сделать выбор – или навсегда отказаться от семьи, потерять Володю, или немедленно решиться на *ребенка*. По-видимому, *и то и другое ее пугало*. (*Вера Ветковская*).

– Я беременела дважды от тебя, – призналась она. После второго аборта мне сказали, что *детей у меня больше не будет*. (*Александра Маринина*). Она заранее предупредила его, что *детей иметь не может* (*Полина Дашкова*).

Женские любовные романы отражают возможные перспективы отношений между полами, в частности, перспективу разрушения современной семьи.

Сравни в этой связи: «В США половина зарегистрированных браков распадается. В Германии эта доля составляет одну треть... Индивидуализация проникает и внутрь существующих семей, ибо уже сегодня даже в семье каждый смотрит телевизор обособленно. Одиноким мужчина и одинокая женщина выступают главными фигурами современного общества... Так образуется некий гибридный вид индивидуализированной и в то же время массовой публики, «стандартизованное коллективное бытие разобщенных массовых отшельников» [8].

Таким образом, жизнь мужчины и женщины, их взаимоотношения в современном языке (и сознании носителей языка) представляются как система объективно существующих в реальной практике отношений. С другой стороны, языком навязываются архаичные андрогенные модели межполовых связей, наконец, язык предлагает и некую новую парадигму бытия мужчины и женщины, их отношений. Новое, как правило, предлагается женщиной.

Источники и литература

1. Гендер и язык / Московский гос. лингвистический ун-т, Лаборатория гендерных исследований. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 624 с.
2. Гендер как интрига познания. Сборник статей. – М.: Московский гос. лингвистический ун-т, Лаборатория гендерных исследований. Изд-во «Рудомино», 2000. – 192 с.
3. Словарь современного русского литературного языка: В 20 т. / АН СССР. Ин-т рус. яз. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Рус. яз., 1991.
4. Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. – М.: Русский язык, 1981-1984.
5. Даль В. И. Пословицы русского народа: Сборник. В 2-х т. – М.: Худож. лит., 1984.
6. Борохов Э. Энциклопедия афоризмов (Мысль в слове). – М.: ООО «Издательство АСТ», 2000. – 720 с.
7. Лашкевич А., Широкова Е. Гендерные аспекты рецептивной эстетики: проблема читателя в русской женской прозе конца XX века // Теоретико-литературные итоги XX века. Т. 4. Читатель: проблемы восприятия. – М.: Практик, 2005. – С. 497-511
8. Силичев Д.А. Социальные последствия перехода от индустриализма и модерна к постмодернизму и постмодерну // Вопросы философии. – М.: РАН, № 7.

Еремкина Г. Г.

АББРЕВИАТУРЫ КАК ПРОДУКТ МЕНТАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕКА

В настоящее время исследование и анализ ментальной деятельности человека привлекает внимание ученых различных отраслей – психологов, лингвистов и др. Таким образом, современная лингвистика переживает период так называемой «когнитивной революции», когда центром лингвистических исследований становится изучение формирования, хранения и передачи человеческого знания. В своих исследованиях лингвисты переходят от декларирования связи языка и мышления к изучению форм их взаимодействия [1, с. 55].

Несмотря на то, что процесс аббревиации исследован достаточно комплексно, включая основные ключевые вопросы – природа и сущность аббревиации как специфического лингвистического явления, экстралингвистические и интралингвистические факторы возникновения сокращений, классификации (Лейчик В., Клименко Н., Алексеев Д., Арнольд И.), рассмотрение аббревиатур с психолингвистической точки зрения не являлись предметом специального исследования. Однако именно этот вопрос является одним из отправных при описании данного лингвистического явления, поскольку в человеческом сознании заложен большой творческий потенциал, который он может использовать при моделировании лексических структур. Выявление механизмов и способов творческого преобразования уже имеющихся у человека образов и создание на основе этой переработки новых образов в виде сокращенных слов поможет устранить структурную и функциональную